

Рафаэль вдоволь наслаждался ощущением, будто он — кумир, за которым с интересом следит Август, а затем, удовлетворив своё тщеславие, потянулся и ущипнул герцога за щёку, нежную, как яичная скорлупа, давая понять, что тема исчерпана и пора сменить предмет разговора: «Не хочешь ли перекусить? Я велел кухне приготовить одно корейское блюдо, удобное для дороги, — вроде бы называется „баоцзы“. Не знаю, понравится ли тебе».

«Да как они смеют приписывать его себе! Баоцзы — китайские, спасибо!» — не задумываясь, парировал Август.

Рафаэль вновь улыбнулся многозначительно, прищурившись, словно лис, унесший курицу: «Прости, оговорка. Но я не ожидал, что ты, Ор, осведомлён даже о таких малознакомых вещах».

«...» — Погода сегодня и впрямь прекрасная — без единого облачка, чистая лазурь.

Наблюдая, как белочка снова прячется в свою норку, Рафаэль не стал настаивать, а просто с удовольствием принялся её подкармливать. Он велел повару приготовить несколько видов начинки, и, судя по всему, вкусы Августа склонялись к северным вариантам.

Узнав, что Рафаэлю на самом деле нравится китайская кухня, Август вернул на службу китайского повара Ли. Герцог испытывал неловкость из-за такого своеволия, но Ли... был на седьмом небе от счастья, готовый ради возвращения в замок отказаться от уже начавшегося путешествия в Лондон. Он так и не поверил утешениям Августа, что это «не увольнение». Теперь Ли со своей дочерью-метиской следовали в обозе, чтобы исполнить обещанное ей: показать Лондон и пышные юбки.

Август всегда был слаб перед картиной «всеобщей радости».

Насытившись, они снова погрузились в тишину. Август принялся бесцельно оглядывать интерьер, словно внезапно воспылав страстью к изучению кареты, на которой ездил уже много раз. Говорили, что дерево и украшения, использованные при её создании, имели великую историю: золотые запонки прежнего короля Англии, мягкие сиденья, расшитые золотой нитью, даже подножки были из того же материала.

Но всякий раз, когда Август отрывал взгляд от своих изысканий, он встречал взгляд Рафаэля, который с улыбкой наблюдал за ним, будто тому было ещё скучнее, а герцог казался куда интереснее кареты.

Продолжать в том же духе было неловко, и на пятый раз, встретившись глазами с Рафаэлем, Август спросил первым: «Что читаешь?»

«„Смерть Артура“».

«А, рыцарский роман».

«Да».

И снова воцарилась тишина.

Спустя несколько минут Рафаэль завёл более пространную тему: «Кстати, у меня есть друг, весьма необычный, который как-то поделился со мной теорией о рыцарских романах и короле Артуре».

«И какой же?» — Август изобразил живейший интерес, готовый слушать даже о самом скучном предмете на свете.

«Он полагал, что я не знаю о вымышленности рыцарей Круглого стола, и специально просветил меня: мол, это всего лишь литература, а не быль. Артур был заурядным королём V века, но благодаря романам превратился в величайшего героя нашего времени, которого боготворят и знать, и простолюдины». Рафаэль погрузился в воспоминания, на губах играла искренняя улыбка. «Не правда ли, своеобразно? Ты слышал подобное раньше?»

Август не находил эту мысль оригинальной, ибо слышал её от самого себя...

...а также из купленной им книги «Расскажи мне о Средневековье».

«В XII веке поэты воспевали рыцарские подвиги; в XIII — легенды обрели прозаическую форму. Но их объединяет одно: всё это вымысел. Многие современники верят в реальность Ланселота — такова сила предания. Быть может, в будущем и Лун Ао Тяня с его манией величия сочтут исторической личностью. Постарайся войти в историю».

Ирония прошлой жизни теперь заставляла Августа опускать голову от стыда.

«Мой друг разительно отличается от тех лицемерных аристократов, что до сих пор верят в реальность рыцарских идеалов...» — Рафаэль, не дожидаясь ответа, продолжал, и каждый его слог был пропитан гордостью, словно говорил: «Он так прост и естественен, совсем не похож на этих вычурных бездарностей».

Да чему ты, собственно, радуешься?!

Чувствуя, что разговор заходит на опасную территорию, Август вновь прибег к своему последнему оружию — сну. Сначала он лишь притворился спящим, но вскоре и вправду погрузился в дрему.

Когда караван достиг лондонских окраин, совсем стемнеть ещё не успело.

Добравшись до Ричмонда во внешнем Лондоне, они остановились, не спеша в королевский Уайтхолл, ибо... у Августа был в Лондоне собственный дом, точнее, дворец.

Хэмптон-корт.

С тех пор как он был конфискован короной и отреставрирован, его величали «английским Версалем».

Сто лет назад Хэмптон был всего лишь поместьем;

несколько десятилетий назад кардинал Уолси вложил баснословные средства в его перестройку, за семь лет превратив в самый роскошный архитектурный ансамбль Англии; девятнадцать лет назад, в последний год правления Чёрного Принца, тот в своём «последнем безумии» совершил множество шокирующих поступков, один из которых — обвинение Уолси в чрезмерном богатстве и требование проверки источников его доходов. Дабы спасти жизнь, Уолси преподнёс поместье Чёрному Принцу, и Хэмптон стал собственностью короны; шесть лет назад Ричард II окончательно рассорился с Римской курией и в порыве ярости подарил десятилетиями расширявшийся и только что достроенный Хэмптон-корт юному Августу.

Проще говоря, этот дворец на берегу Темзы, с видом на Лондон и 1280 комнатами, был всего

лишь одним из подарков на трёхлетие его светлости.

Однако лишь теперь, на пороге девяти лет, Август впервые ступил сюда.

Хэмптон-корт выдержан в типичном стиле позднего Средневековья: готические башни и шпили сочетаются со знаменитой английской эстетикой симметричной краснокирпичной кладки, величественной и в то же время простой. У входа гостей встречали целых три двора, предназначенных исключительно для приёмов. Вся архитектура отличалась простором и размахом, чтобы даже в пасмурном Лондоне внутренние покои заливал свет, создавая впечатление роскоши и величия.

Увы, всем этим Август пока не мог насладиться — вместо бесплатного осмотра Хэмптон-корта он предпочёл во сне перенестись в современную жизнь.

Карета проследовала через все три двора и остановилась лишь у личных покоев. Командор рыцарей Андре спешил и уже собирался, как прежде в Бристольском замке, поднять на руки спящего герцога, но Рафаэль остановил его жестом. Не проронив ни слова, он ясно дал понять: это сделаю я.

Не доверяя никому, Рафаэль сам отнёс Августа в покои, занимавшие почти половину третьего этажа. Слуги Хэмптон-корта уже несколько месяцев готовились к приезду герцога: свежее бельё, взбитые до пушистости подушки, матрасы, уложенные в несколько слоёв для мягкости, — всё было идеально, чтобы Август мог спать безмятежно до самого утра.

На следующее утро под мелодичное пение птиц и первые лучи солнца Август, против обыкновения, проснулся рано. Выспавшись, он стал ещё более вялым и не желал покидать постель.

Лишь позвонив в комнатный золотой колокольчик, он призвал старого дворецкого и... Рафаэля.

«!!!» — Что ты здесь делаешь? — кричали глаза Августа.

Рафаэль, словно читая его мысли, пояснил: «В Ричмонд мы прибыли поздно, и я подумал, ты не откажешь в ночлеге своему уставшему с дороги дядюшке».

Что мог ответить Август? Естественно, он мог лишь сказать, что не против, живи сколько хочешь, комнат здесь много.

И тогда Рафаэль просто произнёс: «Хорошо».

<http://bllate.org/book/15929/1423868>